

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ю. А. Башкатова

SOMATIC CODE IN ENGLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC PICTURES OF THE WORLD

Yu. A. Bashkatova

Статья посвящена выявлению культурных смыслов единиц соматического кода в английской и русской языковых картинах мира. Тело в ней рассматривается как модель процессов познания и языкового конструирования мира. Цель статьи – определить соотношение универсальных знаний о теле и культурно значимых ассоциаций, вызванных концептуальными переносами ментальной области тела на ментальные области окружающего мира. Исследование выполнено в рамках методики концептуальных исследований Кемеровской научной школы под руководством проф. М. В. Пименовой.

The paper focuses on the identification of cultural meanings of somatic code items in English and Russian linguistic pictures of the world. The body herein is regarded as a model for processes of cognition and linguistic structuring of the world. The purpose of the paper is to determine correlation between universal knowledge of the body and culturally significant associations caused by conceptual mappings from mental domain “body” to mental domains of the outside world. The study has been conducted according to the conceptual research procedure elaborated in Kemerovo scientific school under the supervision of Prof. M. V. Pimenova.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, соматизм, код культуры, культурный смысл, языковая картина мир.

Keywords: linguistic culturology, concept, somatism, codes of culture, cultural meaning, linguistic picture of the world.

Кемеровская школа концептуальных исследований известна работами в области изучения концептов внутреннего мира человека, сопоставительного исследования этнокультурной специфики концептуальных структур русской, английской, немецкой, французской языковых картин мира. Следует отметить четкость принятой школой методики концептуального анализа, проводимого в несколько этапов: анализ внутренней формы слова-репрезентанта концепта, исследование концептуальных метафор и метонимий (образных признаков концепта), описание способов категоризации концепта через поиск функциональных и ценностно-оценочных признаков, анализ лексического значения слова, выявление символических признаков и исследование сценариев (подробнее см.: Пименова, 2003).

Данная статья посвящена анализу того, как коды культуры (в частности телесный код) проявляются в процессах категоризации мира. Под кодом культуры понимается макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством; это некая понятийная сетка, используя которую носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры. При переносе в языке характеристик из одного кода в другой возникает метафора или метонимия [10, с. 125].

Антропоцентрическая парадигма в лингвистике признает тело той моделью, согласно которой осуществляется концептуальное и языковое конструирование мира. При этом параметры тела становятся параметрами познания и концептуализации детально непознанного мира и ключевыми с точки зрения культуры. Как указывают отечественные и зарубежные ученые (В. Подорога, Л. Талми, Дж. Лакофф, М. Джонсон), антропоморфная концептуализация ми-

ра может привести или к созданию новых значений, или к метафорическим концептуальным изменениям уже существующих. Концептуальные изменения позволяют человеческому разуму однонаправленно спроецировать уже знакомую телесную область-источник – тело человека и его части как вертикально-горизонтальную и внутренне-внешнюю модель – на новый опыт – менее телесную область-цель.

Характеристикой телесных схем, или моделей, является скрытая семиотическая структура: *верх/низ, передняя часть/задняя часть, правая сторона/левая сторона, внутреннее/внешнее, единичность/множественность*, согласно которым и происходит параметризация – концептуализация Универсума по аналогии с человеческим телом. Подобное представление о теле считается особенно оправданным для архаического мифопоэтического сознания.

Телесно-функциональное и культурное доминирование верха и передней части тела обусловлено расположением в этой части соматической территории наиболее важных для жизнедеятельности органов и частей тела: *головы, лица и рук*.

Голова – важнейшая точка телесного верха. Основные функции головы как местонахождения головного мозга – управление телом, поведением, контроль над ними, мыслительная деятельность. «В любой системе управления отношения управляющего и управляемых предстает как пирамидальная структура *верха и низа* аналогично мифологической концепции божественного устройства мира, аналогично и специфическому строению человеческого тела, в котором прямохождение на задних конечностях сделало управляющий орган – голову – *вершиной телосложения*» [4, с. 78].

«*Теряя голову*», «*лишаясь головы*» (cf. *lose one's head*) в состоянии аффекта или сильного увлечения,

человек утрачивает контроль над своим поведением. Русский язык фиксирует управленческий статус головы в семантических гнездах разных контекстов употребления слова «голова» и производных слов. «Глава» – это и руководитель любого ранга, человек, принимающий решения (*глава правительства, head of the department*), и церковный купол, венчающий сооружение и имеющий сакрально-символический смысл небесного свода (*собор с пятью главами*). «Главенство» – господство, преобладание, могущество. В мифах и сказках сила и непобедимость часто присуща многоголовым существам. «Главный» – наиболее важный, основной, старший, решающий. «Во главе» – впереди, в руководящем положении (cf. *head of a procession*). «Ставить во главу угла» – считать самым важным и т. д. [5, с. 107]. Голова выделяется как главенствующий орган и в ментальных представлениях русской крестьянской культуры и в английских традиционных представлениях. Голова – вместилице сознания, синоним человека: *сваливать с больной головы на здоровую, wise heads; crowned heads*.

Наиболее важная часть головы – лицо, на котором расположены четыре из пяти органов чувств организма: зрение, обоняние, вкус и слух, а также губы, рот и гортань как органы вербальной и паралингвистической коммуникации. Голова и особенно лицо – зона повышенной информационной активности, постоянно работающее приемно-передающее информационное устройство. Лицо является наиболее индивидуальной частью тела человека, именно по его целостному восприятию идентифицируется индивидуальная личность. У слова *лицо* в качестве соматического объекта имеется большое количество дериватов и переносных значений, и среди них значение «человек» (см. подробнее: Башкатова, 2011).

Согласно современным толковым словарям английского языка, значение лексемы *face* составляют следующие семантические компоненты (семы): ‘передняя часть головы ото лба до подбородка’, ‘выражение лица’, ‘внешняя сторона’, ‘поверхность’, ‘человек’, ‘макияж’, ‘нахальство, дерзость’, ‘репутация, достоинство’. Последнее значение – заимствование из китайского языка. Словарь *The Oxford English Dictionary* датирует происхождение выражения *lose face* (потерять лицо, ударить лицом в грязь, потерять престиж) от китайского *diulian* 丟臉 концом XIX века [18].

Что касается понятийных признаков концепта *лицо*, актуализированных в семах слова-репрезентанта, то русский язык обнаруживает более узкий список значений: ‘передняя часть головы человека’, ‘индивидуальный облик, отличительные черты’, ‘человек’, ‘наружная, верхняя, передняя сторона предмета’.

Важная сема ‘лицо как выражение духовных качеств человека’ зафиксирована в словарях Ушакова и Даля: «Лицо человека представитель высших духовных даров: лоб – небесная любовь; глаза – разуменье, разумное созерцанье; уши – пониманье и послушанье; нос – постиженье добра; щеки – постиженье духовных истин; рот – мысль и ученье; губы – духовная хвала; борода – внешность ученья и пр.» [13; 14].

Этноспецифичным для английского языка является метафорическое переосмысление лица как бесстыдства, нахальства и дерзости: *had the face to question my judgment*. Еще одно интересное значение, заимствованное в китайском языке, но получившее широкое распространение в английской лингвокультуре – лицо как социальное понятие – ‘репутация, статус в глазах общества’: *Are the ministers involved more interested in saving face than telling the truth?* Из этого значения уже на английской почве развилось значение ‘уверенность в себе’: *The team managed to maintain a firm face even intimes of great adversity*.

Культурное доминирование телесного верха обусловлено в значительной мере тем, что именно верхняя часть тела отображена культурой в качестве места обитания души и как территория духовного общения. Здесь размещены основные зоны (органы, части тела), ответственные за этот важнейший вид человеческой деятельности: лицо и глаза (как «зеркало души»), грудь (как местоположение «сердца»: органа сентиментальности, чувствительности), руки как орган «языка жестов».

Одна из фундаментальных бинарных оппозиций культуры *тело / душа* воплощается в пространстве тела, топологически в дихотомии *верх / низ*. Верх – «полномочный представитель» души, низ живет сугубо органической, собственно телесной жизнью.

Второй после головы и лица телесной универсалией, представляющей телесный верх и обладающей повышенной культурно-семиотической значимостью, является рука в целом и кисть руки – в особенности. Рука или кисть руки, конечно, не может конкурировать с головой и лицом как культурный символ, заменяющий, замещающий человека и функционирующий в виде отдельной от тела части. Тем не менее такое автономное существование имеет место и оно, несомненно, обусловлено тем, что рука, наряду с прямохождением, – родовой признак *homo sapiens*, отличающий его от животных, знак культуры.

Рука в целом издавна – символ власти: *все в руках Божьих, своя рука – владыка, the hand of God*. В словах «правитель», «управлять», «правая рука», ‘right hand’, ‘handle’ отражена одна из фундаментальных оппозиций, с помощью которых человек строит картину мира, – *правое / левое*. Управляет правая рука, ибо правда, правота, правильность – на правой стороне. Доминирование правой руки у большинства людей, праворукость обусловлена функциональной асимметрией головного мозга. Культура формирует и поддерживает функциональную асимметрию и праворукость и строит на ее основе правила повседневного, этикетного и ритуального поведения. В русской православной традиции левая рука – *шуйца* – считалась некрещеной [6, с. 34]. Все, что по правую руку, справа, соотносится со счастьем, высоким социальным статусом, мужским началом, активностью, по левую руку, слева – с несчастьем, низким статусом, женским началом. Связь правой стороны, правого (жизни, честности, ловкости, внутреннего, священного, хорошего, красивого) с мужским началом, левой стороны, левого – с женским (смертью, профанным, плохим, внешним, враждебным, некрасивым) является куль-

турной универсалией, свойственна подавляющему большинству культур [16, с. 115].

Основная культурная функция рук – действие, работа. На уровне быта это проявляется в том, что подавляющее большинство действий по удовлетворению повседневных телесных и духовных потребностей обеспечивается с помощью рук, своих или чужих: *Подать кому руку, подать помощь, пособить; Many hands make light work.*

Рука – часть тела, наиболее наполненная символическим содержанием. По Аристотелю, рука – это инструмент инструментов. С помощью жестов руки на Руси производили многие важные ритуальные действия: благословляли, каялись, клялись, что закрепилось в целом ряде фразеологизмов: *положа руку на сердце* (честно), *ударить по рукам* (утвердить сделку, согласие). Простое соединение рук – эмблема связи, согласия. Отсюда *рукопожатие* (cf. *handshake*) – жест приветствия, дружбы. Тот, кто принимает на себя ответственность за другого, *ручается*.

Традиционно рука, развитость или неразвитость ее мускулатуры, размеры и форма ее кисти, пальцев (наряду с цветом кожи) была одним из дифференцирующих признаков социального статуса и профессиональных занятий. Русский язык, в отличие от английского, зафиксировал влияние социального статуса на формирование эстетических оценок рук, например, руки могут характеризоваться как *аристократические, барские, барственные, боксерские, интеллигентские, крестьянские, мужицкие, рабочие* [12]. Примечательно, что в английском языке отрицательные эстетические оценки рук связаны с признаком работы: *coarse, rough, work-reddened, work-roughened, work-worn* [17].

Территория телесного низа с расположенными на ней органами мочеполовой системы, анусом, ягодицами и ногами – табуированная на протяжении веков официальной европейской культурой, «запретная зона» органической, собственно телесной жизни, ежедневно демонстрирующей человеку животную часть его натуры. Современному европейцу досталось в наследство сформированное христианской моралью негативное, отрицательное, пренебрежительное отношение к этой части его тела как к чему-то низменному и грязному.

Низкий культурный статус телесного низа проявляется в запрете на публичное обсуждение телесных проблем, в номинации соответствующих органов и их функционирования в обценной лексике, и т. п. Показывание зада – древнейший развенчивающий, оскорбительный бытовой «жест», известный во многих культурах. Его семантика – снижающая замена лица задом, телесного верха – низом. Однако языческая культура утверждала свой, положительный «гротескный телесный канон», смысловым и ценностным центром которого был именно телесный низ, символизирующий, по определению М. М. Бахтина, «оплодотворяющее-оплодотворяемое, рождающе-рожаемое, пожирающее-пожираемое, пьющее, испражняющееся» тело [1, с. 353].

По мнению исследователя русской бранной лексики В. М. Мокиенко, наименование «неприличных», социально табуированных частей тела – «срамных

слов» – имеет характер языковой универсалии. Национально маркированным В. М. Мокиенко считает комбинаторику и частотность обценной лексики в каждом конкретном языке. Грубо обобщая, можно распределить по этим признакам бранную лексику европейских языков на два основных типа:

1) «анально-эскрементальный» тип (*Scheiss*-культура);

2) «сексуальный» тип (*Sex*-культура). В этом плане русская, сербская, хорватская, болгарская и другие «обценно-экспрессивные» лексические системы несомненно относятся ко второму типу, в то время как чешская, немецкая, английская, французская – к первому [8, с. 63].

Соматической лексике свойственно развивать этические значения. Особенности соматической интерпретации нравственного определяются противопоставлением внутреннего и внешнего, нравственно-религиозного и социального, которое лежит в основе традиционной этической системы. Наличие двух оценочных систем, субъектом первой из которых является Бог, а второй – люди, отчетливо осознается народной традицией и широко отражено в славянской паремииологии. Божий суд интерпретирует негативные действия как грех, а людской – как позор, устойчиво противопоставляемые в пословицах: ср. русск. *перед Богом грех, перед людьми сором. Стыдное* противопоставлено *греховному* не только по субъекту оценки, но и по симптоматике: оно тяготеет к внешнему выражению и внешнему наблюдению (ср. русск. *не стыдно, коли не видно*), в противоположность *греху*, коренящемуся внутри человека, являющемуся объектом его внутренней рефлексии и подчас ведомому одному Богу [15, с. 98].

Ноги воспринимаются как крайняя нижняя точка в вертикальном положении человеческого тела. Подобное восприятие ног восходит к архетипической оппозиции «верх – низ», которая применительно к телу человека реализуется в противопоставлении головы, символизирующей верх, главенство, интеллектуальное начало, и *ног*, которые связываются с нижним хтоническим (подземным) миром, поскольку соприкасаются с землей, и принадлежат материально-телесному низу. Эти представления о ногах находят отображение в образе фразеологизмов: *ставить /поставить < перевернуть / переворачивать> с ног на голову; встать <становиться, переворачиваться/перевернуться> с ног на голову.*

Ноги служат «точкой» опоры вертикального (самого естественного для жизнедеятельности человека) положения в пространстве и выступают в роли символа «крепости», опоры и устойчивости в окружающем человека мире. При этом образы ряда фразеологизмов мотивированы древнейшим метонимическим отождествлением части и целого: *ноги* как неотделимая часть целого – тела человека – замещают человека как такового в совокупности тех или иных его проявлений. Примеры: [*прочно <крепко, твердо>*] *стоять на [своих] ногах; вставать / встать <становиться/стать, подниматься/подняться> [прочно, крепко] на ноги; твердая почва под ногами.*

По мнению В. А. Масловой, ноги у язычников-славян считались принадлежностью демонов: *сам*

черт ногу сломит (о захлавленном месте), как *левая нога хочет* (неизвестно как, как попало), *встать с левой ноги* (иметь плохое настроение), здесь лексема «левый» имеет отношение к дьяволу; *земля горит под ногами* (об опасном месте), *почва колеблется под ногами* (о неуверенном, угрожающем положении), *отрясти прах со своих ног* (забыть) и др. [7].

Фразеологизмы *брать ноги в руки* (быстро убежать), *в ногах валяться* (униженно просить о чем-либо), *унести ноги* (уйти от опасности), *ноги не будет* (угроза не приходиться); поговорка *в ногах правды нет* (приглашение сесть) и другие выражения тоже имеют негативную коннотацию, что связано с архетипом «нога – принадлежность дьявола».

Существенный сдвиг в сторону более взвешенного, спокойного, уважительного отношения к телесному низу и отмеченным его функциям произошел, вероятно, только во второй половине XX в. Тема телесности становится одной из наиболее актуальных проблем в современных социальных и филологических науках. До недавнего времени непримиримые антиномии тело-душа или плоть-дух, унаследованные от иудео-христианского образа мира, не давали научной и философской мысли сосредоточиться на теле как на

достойном предмете осмысления вне его связи с духовным началом мира [3, с. 5]. Классическое противопоставление души и тела в современной социокультурной ситуации не является настолько категоричным, как это было в прошлом. В условиях секуляризированной культуры разделение культурного времени души и физического времени тела, их субстанциальное различие выявило свою несостоятельность. Эти два понятия обрели равноправность, взаимную суверенность и нашли консенсус в разрабатываемой универсальности телесного [11, с. 41 – 42].

Таким образом, понятийная наполненность соматического кода является универсальной, так как для всех людей, живущих на земле, понятие о теле и его частях обусловлено общеизвестным строением человека и функционированием тела. Вместе с тем у носителей разных языков и культур наименования частей тела могут порождать только им понятные ассоциации, вызывать непохожие эмоции и оценку и нести различное символическое значение. Телесный код не только универсален, но и культурно-обусловлен: знания, запечатленные в общественных и литературных традициях того или иного народа, накладывают отпечаток на его содержание.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1990.
2. Башкатова, Ю. А. Концептуализация соматических объектов: лицо и face. Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. – Вып. 1. – М.: ФЛИНТА, 2011. – С. 212 – 218. – (Серия: Концептуальный и лингвальный миры).
3. Кабакова, Г. От составителей. От русской души к русскому телу? / Г. Кабакова, Ф. Конт // Тело в русской культуре: сб. ст.; сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.
5. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб., 2002. – 320 с.
6. Мазалова, Н. Б. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Б. Мазалова. – СПб., 2001.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. Мокиенко, В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко. – Русистика: Берлин, 1994. – № 1/2.
9. Пименова, М. В. Особенности репрезентации концепта чувство в русской языковой картине мира / М. В. Пименова // Мир человека и мир языка; отв. ред. Пименова М. В. – Вып. 2. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 58 – 120. – (Серия: Концептуальные исследования).
10. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М.: Флинта, 2011. – 176 с.
11. Румянцев, О. Культура как место и время человека / О. Румянцев // Творение – творчество – репродукция: исторический и экзистенциальный опыт. – СПб., 2003.
12. Словарь эпитетов. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/24/192-0.html>
13. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – Режим доступа: <http://slovari.-yandex.ru/dict/dal/>
14. Толковый словарь русского языка Ушакова. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>
15. Якушкина, Е. И. Анатомия стыда (этическая семантика соматизмов в славянских языках) / Е. И. Якушкина // Славянский вестник. – Вып. 1; под ред. В. П. Гудкова и А. Г. Машковой. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003.
16. Anderer, Sh. The Partition of Space / Sh. Anderer // Gender. Space. Architecture: An interdisciplinary Introduction. – L.; N. Y., 2000. – P. 115 – 116; Introduction to Right and Left: Essays on Dual Symbolic Classification. – Chicago, 1973.
17. Oxford Collocations Dictionary for Students of English. – New York: Oxford University Press, 2009.
18. The Oxford English Dictionary. – Mode of access: <http://oxforddictionaries.com/>

Информация об авторе:

Башкатова Юлия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2, докторант кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ, +7-906-985-05-26, stbua@mail.ru.

Yulia A. Bashkatova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 2, doctoral student, Kemerovo State University.